

Бодрый и подвижный, Василий Васильевич Цебер совсем не походил на семидесяти-четырехлетнего пенсионера. Оторвавшись от хлопот по хозяйству, он не сразу смог мысленно возвратиться в те памятные годы. Но постепенно воспоминания захватили Василия Васильевича, и рассказ моего собеседника стал живым, картина жизни, нарисованная им, мало нуждалась в каких-либо поправках.

Предлагаем внимательно читать рассказ человека, за плечами которого длинная трудовая жизнь — со дня образования совхоза и до 1988 года, всего с колхозным 56 лет трудового стажа у него. Неугомонный Василий Васильевич

менный у нас человек, а ты — хозяин.

В 1929 году началось притеснение крестьян, особенно зажиточных, не за горами были коллективизация и ее насильственные перегибы. Отца моего лишили права голоса, а на деда и дядьев завели из-за трактора дело. В 1930 году через суд трактор забрали, началось раскулачивание. В нашей семье свели со двора пару быков, три лошади, две коровы. Жить как-то надо было. Мне тогда стукнуло 15 лет. Пошел заготавливать в карьер камень-известняк. Затем вышло некоторое послабление

ИСТОРИЯ И ПРАВДА НЕРАЗДЕЛИМЫ

была короткой — поставили пару пулеметов, дали одну очередь — два человека упали, остальные были согласны на все. Такие вот порядки были.

Но жизнь шла. Построили 840 саманных домов — неблагоустроенных, без дверей, зимой пришлось навешивать двери. Технологию строительства нам преподавал прораб Микуйльчик, заключенный из Долинки, из Карагага, откуда были десятки. Так вот, клали стены из самана, старики пле-

Поселение наше большое было, где-то двадцать тысяч человек, а в 1934 году, это мы теперь-то знаем, выполняющая волю Сталина, начали расселять людей по всему бескрайнему Казахстану. Образовали 3-й поселок, нынешний Озерный, Шортанды, Красное озеро, Родниковский и т. д.

В 1942 году, я работал уже токарем, вызывает директор, в то время это целое происшествие. Директор дал команду: поедешь в Черниговку, там нужен токарь. Это сейчас можно думать, рассуждать, в то время беспрекословно подчинялись и все. Так проработал до мая месяца, а потом с братом, он в 10-й класс ходил, по повестке направили в Осакаровку в военкомат. Пара лошадей, положили котомки в подводу и зашагали пешком 150 человек за подводой. Как это не вьется с нынешними проводами в армию, а тогда уходили порой навсегда. С 1942 и до конца войны прошел, потом вернулся на пятый поселок. Была, правда, попытка стать горожанином. Попробовал поработать в г. Караганде на ТЭЦ токарем, но на одном рассольнике не выдержал, вернулся в село.

В 1954 году пошел на стройку, на пенсию вышел в 1975 году, а отдыхать ушел только в минувшем году. Вот и набежал этот стаж — 56 лет, не больше и не меньше.

Что еще рассказать? Отец умер в 76 лет, мать — Василиса Зиновьевна на 82-м году. Дедушка все ждал внуков с войны, но не дожид до победы пять месяцев. Все всю жизнь знали одно и волю этого имели — труд еще раз труд. Мои года тоже ближе к закату, часто думаешь: кто же мы были на самом деле, может, действительно кулаки? Но сейчас, в наше время, порой у людей на подворье столько скот, что нашим кулакам и не снилось. Да легковая машина, да дом полная чаша. И потом считаю — были бы кулаками и жили бы только за счет наемного труда, в сложнейших условиях Казахстана вряд ли выжили, вымерли просто-напросто. Но мы жили благодаря нашим родителям, трудолюбию, сами затем строили свою жизнь. И нынешний пятый поселок не на последнем месте в районе. А все потому, что живут здесь потомки людей крепких и трудолюбивых, пустивших глубокие корни на казахстанской земле, не растерявшие во многом еще крестьянские традиции, глубоко верящие в лучшую жизнь, в нашу перестройку. Вот такими воспоминаниям поделился Василий Васильевич Цебер, человек в селе Литвинском очень уважаемый. Один из основателей села, много сделавший для его становления, мечтающий вместе с односельчанами о его новой жизни на основе укрепления в каждом крестьянине чувства хозяина, гражданина, прораба перестройки.

Записал М. МОРОЗОВ.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и его супруга Мария Павловна не привыкли сидеть без дела. По мере возможности трудятся они и сейчас по дому, в огороде, держат корову.

Итак, рассказ очевидца тех далеких лет.

..У моего деда, Всея Харитоновича, было четыре сына. Жили мы в деревне под Царицыном, ныне Волгоградом. Когда отец мой, Василий Евсеевич, захил отдельным хозяйством, мне уже было десять лет. И вот что интересно. Порой забываешь, что было день-два назад, а вот мальчишеские воспоминания до сих пор свежи в памяти. Иногда они столь ярки, будто, все это вчера происходило, а не полвека назад.

Жили наша семья и все родственники по тем временам зажиточно. Об этом свидетельствует и тот факт, что вспахивали дед с сыновьями в 1928 году купили трактор «Фордзон». 1860 рублей стоила, как мне помнится, диковинная для того времени машина. О многом судить я могу только теперь, с высоты своего жизненного опыта и тех испытаний, что выпали на долю многих сотен тысяч людей моего поколения. И сейчас, казалось бы, покупка трактора — это событие, хотя в последнее время все чаще можно прочесть в газетах о том, что государство продает трактора и машины населению. А по тем временам действительно дело необычное. Но ничего, свыклись все, радовались, естественно, потому что облегчение нашему нелегкому крестьянскому труду, ведь целый день походить за лошадьми с плугом — это не так просто. А «железный конь» в нашем сознании был как бы избавителем от тяжелого труда и людей, и скотины. У нас были и быки, и лошади, и коровы. И в этой связи врезался в память следующий эпизод. У нас был работник. Подходила суббота, парень одевался в чистое к вечеру, отец давал ему пятьдесят копеек, и он уходил на отдых, на вечеринку. Мне, парубку, тоже хотелось на гулянье, я упрекал отца; вот, мол, работник идет на гулянье, а я должен в ночном пасти быков и лошадей. На что отец мне отвечал: «Сынок, он работник, вре-

— вернули пару лошадей, корову. Помню, возил на лошадках воду, затем вступил в колхоз, опять же на лошадках работал, на сенокосе. А семьи дядьев и деда отправили сначала на выселки, а затем в Сталинград. Мать ездила их проведать, отвезти продуктов. Вернулась в один день, а дома никого нет — всех увезли на сборный пункт. Кормили нас там, паек был, часовой передачи принимал, но никого не выпускал. Потом началось великое переселение людей. Сначала отправляли лошадей. Нам с двоюродным братом довелось их сопровождать. Привезли на станцию Акмолинск, оттуда в Осакаровку. Дядьки были уже здесь, писали письма нам, так что мы уже знали, каково тут. Но все, как говорится, довелось увидеть вочию, и было это весной 1931 года. Из Осакаровки нас привезли на пятый поселок, в район нынешнего парка. В пойме реки выкопали землянку, так началась наша жизнь здесь, в Казахстане.

Дядя мой, Иван Евсеевич, был бригадиром строителей — делали землянки. Я возил на лошади саман. Лошадь что-то захромала, и квартальный за эту провинность посадил в изолятор (день работаешь, ночью сидишь в холодной землянке). Работа была тяжелой. И сейчас перед глазами стоит подвода с дерном, а ее волокут человек пятнадцать женщин. Ведь для стен толщиной до метра много нужно было подручного материала, а какой он в степи — дерн, камыш, лоза.

Командант у нас был серьезный, подполковник Андрей Кириллович Горбенко, а районный — Бытко, имени уже не помню. Была оперативная группа — чекисты, а на краю села, где сейчас живет Якунин, там стоял конный взвод. Вечером старший лейтенант — три кубика в петлицах, сабля на боку, с карабином — во главе своего вооруженного взвода с песней неспешно проедется по поселку — смотрите, мол, охрана не дремлет.

И еще, случай в память врезался, В Осакаровке забастовали воронежцы — никуда, мол, не поедем. Расправа

ли из лозы 4-метровые плетни, клали их на стропила, затем сено и присыпали землей. Восемь улиц построили, начали заселять людей, Пошел слух, кто войдет в дом, тому дорога на родину заказана (верили люди еще, что смогут вернуться, что отпустят). Но только не сбылись надежды — кто не пошел в дом добром, того загнали силой уже когда падал снег. В 1932 году начали строить школу, забирали людей на постройку железной дороги на Балхаш. Так что разговор о том, что она построена на костях подневольных людей вполне верен. Да и в поселке тиф и дизентерия также косили людей.

В 1933 году отца послали в командировку, а нас осталось шестеро. Как взрослому пришлось идти в Белояровку пешком, обменять что-нибудь из вещей на еду. Отрубил, просо нерушенное, картошка — вот тогдашнее наше меню. А очистки картофельные сажали, и ничего, росла. Все с разрешения комнандатуры, без пропуска нельзя было сделать и шагу. А чтобы было понятно, как мы тогда жили, расскажу, какая была карточная система. При выполнении нормы для первой категории — 1 килограмм хлеба в день, вторая — 800 граммов, третья — 600 граммов. Иждивенцы и дети получали по 400 граммов хлеба в день. Сахар, крупа, масло растительное, селедка — всего этого попадало нам очень мало.

В 1934 году посеяли хлеб, налог не брали, просо также сеяли. Мельницу государственную построили и вот только в этот год наелись досыта, чуть-чуть люди повеселели и лишь в этот год здесь, в Казахстане, родилось шестеро детей. А хлеб давала нелегко, и лопатой землю копать доводилось. Грейдер, что до Осакаровки, он руками насыпан, все орудия — лопаты да носилки. Дорогу зимой чистить заставляли. А бураны были не чета нынешним. По две недели, бывало, дует, все сравнивает, трубы приходилось снегом обкладывать. На реку за водой по шесть-семь человек ходили, обязательно с веревкой Много людей погибло за зиму.